

Nadija Gorbač – filologijos mokslų daktarė, Rytų Europos nacionalinio Lesės Ukrainkos vardo universiteto (Ukraina) Filologijos ir metodikos katedros vyr. dėstytoja.
Moksliniai interesai: folkloras, vaikų literatūra.
El. paštas: hope8419@ukr.net.

Nadiya Gorbach: PhD, the teacher of philology and methods of junior teaching education of East-European Lesya Ukrainka University (Ukraine).
Research interests: folklore, the literature for children.
E-mail: hope8419@ukr.net.

Надя Горбач

*Восточноевропейский национальный университет
имени Леси Украинки*

ВЕСЕННИЙ КАЛЕНДАРНО-ОБРЯДОВЫЙ ФОЛЬКЛОР ПОДЛЯШЬЯ И СОСЕДНИХ РЕГИОНОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Anotacija

Straipsnyje atskleidžiama Palenkės regiono pavasarinio ciklo folkloro tapatybė. Palenkės regiono pavasarinio ciklo folkloro populiariausių motyvų gretinimas su kaimyninių regionų analogiškais motyvais parodė, kad Palenkės regionas laikytinas ukrainietišku.

PAGRINDINIAI ŽODŽIAI: pavasario ciklo dainos, apeiginis kalendorinis folkloras, Palenkė, Polesė, Volynė, nacionalinis tapatumas.

Abstract

This article open national connection of spring Pydlyassha folklore on the base of comparison with repertoire of neighbour ethnographical regions. The comparative analysys of song examples from Pydlyassha is realized on the foundation comparison of main motive of Pydlyassha spring songs and neighbouring ethnographical songs. The article also analyses existing different kind of names for spring calendar songs on the territory of Pydlyassha and other neighbouring regions.

KEY WORDS: spring songs, calendar ceremony folklore, Pydlyassha, Polyssya, Volyn, Holmschyna, vesnyanka, rogylka, national identity.

Подляшье – один из этнографических регионов Украины, не охваченный ее административно-территориальными границами. Несмотря на то, что территория эта входит в состав Польши, существует ряд исторических, этнографических, лингвистических и общественно-политических факторов, которые идентифицируют ее как украинскую [10, с. 25]. На сегодняшний день территория Подляшья составляет регион, заселенный украинцами (для примера, на Северном Подляшье проживает более 100 тысяч украиноязычного населения). Национальное сознание на этой территории проявляется главным образом через язык, фольклор, особенности быта. Они и стали своего рода индикаторами «украинскости» для современных исследователей Подляшья. История, археология, этнолингвистика, антропология и этнография красноречиво свидетельствуют, что Подляшье – украинский край, ведь еще с доисторических времен был заселен теми же племенами, что и западноукраинские земли.

Для того, чтобы доказать сходство украинского и подляшского фольклора, проанализируем тексты песен Подляшья и некоторых украинских регионов. Песенный массив исследуемой территории, как и любого другого этнографического региона Украины, составляет количественно объемный текстовый материал, считаем целесообразным проанализировать точки пересечения в репертуаре Подляшья и соседних территорий хотя бы на примере календарно-обрядовых фольклорных образцов. Они же, в конце концов, как наиболее архаичный пласт фольклора, и являются едва ли не самым ярким примером родства. Ведь именно календарные обычаи и обряды (а следовательно, и их песенность – Н. Г.), по словам Ю. Клымца, являются наиболее устойчивыми традиционными элементами духовной культуры, которые обнаруживают, во-первых, этническую специфику того или иного народа, а во-вторых, генетическое сходство и одинаковые или подобные закономерности исторического развития определенных этносов [12, с. 3].

Исследуя фольклорные тексты с Подляшья, на их родство с репертуаром Волини и Полесья неоднократно указывали Р. Кырчив, В. Давыдюк, Ю. Гаврылюк, И. Мациевский, Е. Рыжик, В. Головатюк и др. Например, Р. Кырчив на основе мотивов, временной приуроченности, мелодики и характера выполнения наблюдал однотипность под-

ляшских веснянок с этим видом обрядовой песенности на Волыни, Западном и Центральном Полесье, где песенный фольклор весеннего календарного цикла также законсервировал свою архаическую специфику [11, с. 281].

Современная исследовательница В. Головатюк, изучая песенный фольклор подляшского региона, отметила такую закономерность: «Представлена почти всеми песенными жанрами украинского фольклора, за исключением дум и исторических песен, народная поэзия региона во многих проявлениях идентична с произведениями других регионов Украины, выявляет теснейшую связь и близкое родство с фольклорными текстами Волыни, рядом с полескими параллелями имеет немало галицких черт» [6, с. 68].

Такие попытки ученых идентифицировать фольклорные образцы с Подляшья, однако, не стали однозначными и исчерпывающими, а значит, и до сих пор содержат пробел в студиях народной песенности региона. Таким образом, выявление параллелей календарно-обрядового фольклора Подляшья с соседними этниконами и выяснения наиболее ярких случаев родства – еще один шаг на пути к этноидентификации фольклора Подляшья.

Календарно-обрядовая песенность весеннего цикла, судя по активности бытования и текстовом разнообразии, на Подляшье сохранилась самым наилучшим образом. От старожилов еще и сегодня можно записать немало текстов подляшских рогулек и веснянок. Несмотря на бытование обеих номинаций для обрисовки весенних песен, на территории Подляшья встречаются и другие названия, среди них – «гульки», «огульки» (обе служат для называния рогулек в разных населенных пунктах), «володарки», «зэльмани», «жалимони», «садоньки», «зозульки», «постовые песни», «пасхальные песни», «кроп» и тому подобное.

Такой терминологический ряд даже на первый взгляд представляется довольно пестрым, а в контексте выяснения национальной идентичности фольклора Подляшья сразу же провоцирует вопрос: бытуют ли песни с такими номинациями в других этнографических регионах Украины? Однозначный ответ можно дать только по поводу одной из названий – «веснянка» – песни, обозначенные ею, известные на Волыни и Ополье, бытует это название и на Западном Полесье и

Холмщине. Определение одной из разновидностей календарной песенности Подляшья названием «веснянка» – явление закономерное, ведь именно эта номинация наиболее распространенная на всем этнографическом пространстве Украины. По наблюдению В. Давыдюка, этот вид календарной поэзии получил предпосылки для своего развития очень давно, чуть ли не со времен неолита. Его утилитарные функции связанные с земледелием и с соответствующей разновидностью календарного мифа о умирающей и оживающей природе. Зазывание весны – один из самых распространенных мотивов весенних песен, который стабильно прослеживается на всей территории Украины [18, с. 16]. На Подляшье, однако, собственно веснянок (песен с призывными мотивами), сохранилось не так уж и много, очень часто от респондентов из различных населенных пунктов удается записать разные варианты нескольких самых распространенных фольклорных образцов. Тем-то и функционирование таких песен на территории региона довольно эпизодическое, сама же номинация «веснянка» служит для обозначения фольклорных образцов с брачными мотивами.

Если следовать логике современной исследовательницы Т. Миндэр, по мнению которой, народная традиция использования названия «веснянка» дает основания видеть за этим понятием лишь те календарно-обрядовые песни весеннего цикла, которые выполнялись преимущественно детьми ранней весной, имели призывной характер и должны были спровоцировать приход тепла [126, с. 5], то эпизодическое бытование этой номинации на территории Подляшья функционально обусловлено. Ведь не мотив ускорения прихода весеннего тепла, не вегетационные мотивы на Подляшье не стали определяющими для календарно-обрядовых песен весеннего цикла.

В сравнении с другими соседними территориями, где основными мотивами веснянок выступают аграрно-вегетационные, похожую ситуацию можем проследить разве на Западном Полесье. Собственно веснянок там, подобно как и на Подляшье, бытует не так уж и много (в междуречье Турии и Выживки их вообще не помнят). На такую закономерность неоднократно указывали современные исследователи фольклора В. Давыдюк и Е. Билык. По наблюдениям последней, характерной чертой западнополеского весеннего фольклора является эпизодичность распространение весенних песен аграрного направле-

ния, тогда как доминирующей в содержании оказывается не аграрная, как в большинстве регионов Украины, а брачная тематика [2, с. 289]. Таким образом, отсутствие мотивов роста и развития в весенних песнях обоих регионов – Подляшья и Западного Полесья – наводит на мысль об утилитарных приоритетах фольклора иной тематической направленности.

Бытование же номинации «веснянка» на территории Подляшья, несмотря на количественно незначительный текстовый фонд самих песен-веснянок, возможно еще и из-за популяризации украинской народной песенности путем проведения различного рода массовых культурных мероприятий, а потому не обязательно связано с этнической историей региона.

На территории края, рядом с номинацией «веснянка», наиболее распространенным является название «рогулька», именно оно очерчивает самую многочисленную группу весенних календарно-обрядовых песен Подляшья. Бытуют весенние песни с таким названием и на территории соседней Холмщины, особенно северной ее части, которую с Подляшьем объединяет немалый отрезок общей истории.

От жителей Западного Полесья не редкость услышать информацию о пение рогулек, выполнение которых имеет свою временную регламентацию: *«Рогулейки спивали вже после Паски, до Паски тилько діти спивале, пасем овечки й спиваємо, а старши збираюцця й вилазять на поди такеї (шо то жито кладуть), посідають і спивають»* [18, с. 151]. На вопрос же, слышали ли вы слово «веснянка», в ответ от западнополеских респондентов можно узнать следующее: *«Чом не чула? Чула. Але вже за советів. А за Польці, де й за Росії, в нас їх називали рогулейки. Рогулейки і тилько. Ніяких веснянок ми не чули»* [18, с. 150].

Оказывается, для жителей Западного Полесья не так давно название «рогулька» было таким же известным, как сейчас «веснянка». Близкое территориальное соседство с Подляшьем это только подтверждает, ведь здесь рогульки не составляют оазис среди всего массива весенней обрядовой песенности, а наоборот, являются ее основным фондом. Не последнюю роль в процессе такой законсервированности рогулек сыграло пребывание подляшских территорий вне административно-

территориальных границ Украины, а таким образом, и менее активная контаминация с фольклорными традициями соседних регионов.

Совсем другая ситуация на Волыни – среди видовых номинаций весенней календарной песенности созвучно с «рогулькой» название «рогулейка» занимает не такое важное место за частотой его использования, то же самое касается и территории Ополья. Волынские и галицкие «рогулейки» можно услышать не так часто, как «рогульки», «гульки», «огульки» на Подляшье и «рогулейки», «розулейки», «рогулики» на Западном Полесье. Так, в последнем из регионов рогульки пели в пост перед Пасхой, на Подляшье же их выполняли в течение всего весеннего периода, а некоторые из текстов даже встречаются в репертуаре летней обрядовой песенности. По свидетельству старожилы региона, рогульки можно петь «пока кукушка кукует», то есть где-то до середины лета [20, с. 260].

Примечательно, что наряду с отсутствием ярко выраженных призывных мотивов в весенних песнях Подляшья и Западного Полесья, рогульки с их брачной тематикой занимают в обоих регионах особое место в весеннем календарно-обрядовом репертуаре. Понятно, что приоритет брачной тематики в текстах, что пелись девушками на выданье, абсолютно не вяжется с призывными мотивами песен, исполняемых детьми. По мнению Т. Миндэр, больше диссонирует с веснянками группа весенних песен, объединенных любовно-брачной темой. В народном употреблении они, как правило, определяются другими названиями, зачастую фигурируя как «майивки», «гайивки» или «рогульки». Там, где эти названия бытуют на уровне с номинацией «веснянка», респонденты категорически отрицают их принадлежность к веснянкам [14, с. 5].

Вполне вероятно, что тематическое направление весенней песенности обоих соседних регионов – Подляшье и Западного Полесья – связано со спецификой хозяйствования на этих территориях. Например, В. Давыдюк отмечает, – такие отступления от общей нормы легко объясняются тем, что приход тепла был актуальным только для земледельцев, пастухам же его избыток наоборот грозил потерей пастбищ и вызывал массу неудобств. Именно со спецификой основного хозяйственного занятия региона, по мнению исследователя, свя-

зано и варьирование популярности или полного отсутствия весенних песен с мотивами вызывание тепла [9, с. 49].

Такое рассуждение представляется оправданным, если учесть тот факт, что в свое время земли Подляшья и Западного Полесья поочередно занимали культуры как земледельческого, так и скотоводческого направления. Немало было и таких, которые, из-за климатических условий и промышленных кризисов, характеризовались хозяйственной разнородностью. В числе последних – пшеворская археологическая культура, временные границы которой ученые определяют началом II века до н. е. – началом V века. н. е. [4, с. 186]. Несмотря на симбиоз земледельческо-скотоводческих тенденций в типе хозяйствования пшеворцов, фольклорная традиция части западнополеского региона (до р. Турии) имеет выразительное скотоводческое направление – и не только аргументом отсутствия аграрных мотивов в весенней песенности.

Так, свадебная традиция населенных пунктов вдоль берегов р. Турии законсервировала т. зв. «сырный обряд», который на других территориях Западного Полесья не получил распространения. По наблюдению З. Марчук, его суть заключалась в том, что для ритуального разделения на свадьбе использовали не каравай, а засушенный сыр, который там называют «мандрычкой». Такой же обычай, отмечает исследовательница, распространен и на Подляшье, – во время помолвки гостей одаривали кусками сухого сыра, на самой же свадьбе его делили рядом с караваем [13, с. 183].

Бытование самого обряда подтверждает и тот факт, что он сопровождался специальными «сырными» песнями. Исследуя отголоски скотоводческого быта на территории Западного Полесья, В. Давыдюк отметил, что такие песни до недавнего времени выполнялись в селах Камень-Каширского, Ратновского, Старовыжевского, Любешовского, Ковельского и Турийского районов [9, с. 47].

Ареал их распространения, таким образом, занимает междуречье р. Виживки и р. Турии, доходя на востоке до р. Стоход. Склонность к земледелию на этих территориях могла развиваться уже впоследствии, когда пастуший промысел отошел на второй план. Если взвесить то, что представители пшеворской культуры пришли на территорию Западного Полесья с Польши, то такое предположение не лишено осно-

ваний – условия для земледелия там значительно скромнее, чем на Полесье. Календарно-обрядовая традиция Подляшья и западной части Полесья, таким образом, законсервировала рудименты верований, которые были присущи скорее скотоводам, чем земледельцам. Отсюда – тематический диссонанс весеннего репертуара этой территории со многими этнографическими регионами Украины. При отсутствии аграрной направленности весенних песен на первое место выходят брачные мотивы, ведь продолжение рода было одинаково важным как для хлеборобов, так и для пастухов.

Основные мотивы, которые так или иначе развивают подляшские рогульки, – это подбор пары, размышления о близком браке, женитьбе и все, что с ними связано. Западнополеские же тексты касаются в основном семейной жизни женщин, которые недавно вышли замуж – «молодых молодыц», и еще не успели привыкнуть к своему новому статусу и обязанностям, которые он диктует. На это указывает и тот факт, что инициальной в репертуаре рогулек Западного Полесья есть песня, ведущим мотивом которой выступает вызывание девушками на улицу своей уже замужней подруги (женщины), чтобы та завела (а таким образом, и объявила начало выполнения подобных песен) им «рогулицу».

Активное бытование номинации «рогулька» на территории Подляшья свидетельствует о том, что должна была бы существовать и сама песня, исполнение которой диктовало название всех исполняемых дальше текстов именно рогульками, а не веснянками или, для примера, вородайками. В современных сборниках фольклора Подляшья, однако, на песню с мотивом запевания рогулицы женщиной нам встретить не удалось. Неизвестна она и в записях пионеров изучения народнопесенного творчества региона. Рядом с отсутствием текста, чужой для подляшских рогулек и мотив семейной жизни молодых женщин.

Единственным текстом, центральным образом которого выступает персонифицированная Рогулька, есть песня, зафиксированная в свое время в окрестностях Клищель еще Й. Ярошевичем. В последствии бытования этой игровой веснянки на территории Подляшья подтвердили Е. Рыжик и С. Копа. Известна она и исследователям западнополеских территорий – по наблюдениям В. Давыдука, такие песни

исполнялись в междуречье Виживки и Турии с дальнейшим распространением на юг Берестейщины и на Подляшье [8, с. 98].

Содержание текста, однако, также не имеет сходства с тематикой западнополеских рогулек, зато красноречиво подтверждает яркие любовно-брачные мотивы тех фольклорных образцов, что известны жителям подляского региона. Так, все действия, которые выполняет девушка, названная Рогулькой, – рано встать, умыться белым лыченьком, чисто одеться, причесаться русу косу и пойти в пляс – направлены на достижение наилучшего внешнего вида главной героини. Такое же желание может возникать только у девушек «на выданье».

По мнению исследовательницы Т. Миндэр, весенняя игра «Рогулька» представляет своим содержанием остатки инициальных ритуальных действий, которые со временем, в ходе исторического развития поддались существенной десемантизации [15, с. 27–28]. Если это действительно так, то текст такой песни раньше мог быть титульной страницей выполнения других песен с похожей тематикой. Возможно, именно поэтому подляшские рогульки насквозь пропитаны брачными мотивами, а образование новых пар – одна из доминирующих в текстах тем.

С чем связан такой тематический разнобой в репертуарах смежных регионов, сказать трудно. Однако, если взвесить тематическую родственность и временную близость с летним циклом народного календаря, не трудно догадаться, что западнополеские рогульки очень похожи с купальскими песнями. На Подляшье же фольклорные тексты, номинированные рогульками, законсервировали черты, присущие, скорее, песенности финального этапа весеннего цикла.

Еще одним фактом, который несколько объясняет отсутствие соответствующих западнополеским текстам подляшских рогулек является бытование на Подляшье песни «Молодая молодыце» в репертуаре купальской песенности. Тексты западнополеских рогулек и подляшских купальских песен почти идентичны, за исключением разве того факта, что в первых девушки просят женщину вывести «рогулицу», а в последних – развести «купальцу». Для примера, сравним фольклорные образцы, зафиксированные на территории обоих регионов:

*Ти, молодице молодая,
Чо-ом не вийдеш на вулойку,
Чом не виведеш **рогулейку?**
Як же мені виходити,
Ту рогулейку заводити?
В мене свекруха – не матьонка,
В мене свекорко – не таточко
[18, с. 148–149].*

*Молодая молодицю,
Вийди до нас на улицю,
Розложи **купальницю.**
Ніколи мені виходити,
Бо дитя малое,
Свекор лежить, не колише,
А свекруха сидит, не тримає
[20, с. 262].*

Спутывание не только разных жанров, но и календарных циклов, возможно и в пределах одного этнографического региона. Так, исследуя календарно-обрядовую песенность Западного Полесья, Е. Билык обратила внимание на тот факт, что в Камень-Каширском и Ратновском районах просят вывести «рогулицу», а сам текст жанрово атрибутируют рогулькой. В других же – Ковельскому, Турийскому, Старовижевском и отчасти Ратновском – районах обычно выводят «купальщю» [2, с. 159].

Приведенный пример красноречиво подтверждает предположение, что там, где существует традиция исполнения песни «Молодая молодице» как рогульки, отсутствует другая – наличие этого текста в репертуаре купальских песен. Тем-то на Подляшье, где этот текст известен как купальская песня, среди рогулек его найти трудно.

Примечательно, что принадлежность песни «Молодая молодице» к купальскому репертуару засвидетельствована на Западном Полесье в пределах достаточно компактной территории, географически ограниченной р. Выжевка на западе с дальнейшим распространением на восток до левого берега р. Турии. Ареал номинирования этого текста «купальщей», а не «рогулицей», таким образом, не выходит за границы распространения той же пшеворской археологической культуры на территории Западного Полесья.

Итак, подляшские рогульки, несмотря на явное сходство с западнополескими текстами, все же имеют ряд специфических черт. Первое, что бросается в глаза, – это ярко выраженная брачная направленность этого вида весенней песенности. Имеет свои особенности и темпоритм рогулек, зафиксированных на территории Подляшья.

Кроме веснянок и рогулек, есть на Подляшье тексты, отмеченные номинацией «зэльманы». Название, очевидно, происходит от игровой веснянки «Зэльман», распространенной на территории Северного Подляшья. На такую мысль наводит тот факт, что общерегионального потребления на всей территории номинация не приобрела. В некоторых населенных пунктах, однако, ни одним другим названием весенние песни не очерчиваются. По мнению Т. Миндэр, представление о всем цикле обычно связывается с одной или несколькими песнями в структуре весеннего репертуара. Такой текст или начинается с него (весь цикл – Н. Г.), или завершает, или просто занимает в нем заметное место. Таким образом, после того, как эта первая весенняя песня выполнена, можно петь любые хороводные, лирические, игровые и другие песни [17, с. 73].

Подтверждением тому может быть бытования почти во всех населенных пунктах Подляшья, где весенние песни номинированы «зэльманами», и самого текста, главным персонажем которого выступает персонифицированный Зэльман. Основной смысл песни направлен на образование брачных пар («*По цю іде Зэльман? Панну просить Зэльман*» [20, с. 254]), что в рамках весенней календарно-обрядовой традиции региона – явление вполне органичное.

Считать, однако, эту видовую номинацию за локальное проявление, ограниченный территориями Северного Подляшья, нет никаких оснований – весенние песни с такими, или похожими, названиями бытуют и на территории других регионов. Так, на соседней Холмщине веснянки-зэльманы молодежь выполняла во время разнообразных игр и забав. И само название довольно распространено и на территории Ополья. Жители некоторых западнополеских сел вспоминают похожее название «зэльманивка». Исследуя бытования номинации «зэльман», Т. Миндэр отмечала, что ее эпизодическое распространение охватывает территории Подляшья и Холмщины, бытует такое название на Ополье и Западном Полесье. На этнографической Волини она известна лишь на ее северо-западных территориях [16, с. 184].

Среди видовых номинаций весенних календарных песен Подляшья бытует и название «володарка». Некоторые старожилы на Южном Подляшье вспоминают, что перед Пасхой и во время этого праздника пели песни, которые назывались «володарками» (от игры-песни «Во-

лодар»). По наблюдениям фольклористов, главным мотивом этих, как и других весенних песен, выступает любовь – во время пения володарок девушки и парни играли и танцевали [20, с. 255].

Весенние песни с такими названиями бытуют и на территории Холмщины и Волыни. В западной части региона Ополе исследователи отмечают обычай «звать вородай» [14, с. 9], который, очевидно, имеет общую этимологию с предыдущими номинациями. Западно-полеская весенняя песенность обозначается целой синонимической цепочкой однокоренных названий, которые связаны с предыдущими. Самые распространенные среди них – «володарки», «вородарки», «ворода», «бородайки», «городайки», «уродайки», «олендарки» и тому подобные. Однако бытование песен с такими номинациями на Западном Полесье, по наблюдению исследователей, не выходит за пределы Турийского, Ковельского и Рожищенского районов, продвигаясь, таким образом, на Волинь. Разграничительная линия между теми местностями, где пели вородайки, и где о них совсем не слышали, определяется, как и для многих других явлений, рамками разграничения пшеворской и зарубинецкой культур в первые века новой эры [8, с. 181].

Не трудно догадаться, что все эти номинации генеалогически связаны между собой. Так, по мнению В. Давыдюка, весенние игры и песни, объединенные названием «володарки», связанные с юриевскими обрядами, на что указывает их временная приуроченность. Исследователь считает, что предшественником христианского Юрия должно было быть божество, которое имело бы тесную связь с урожайностью. Оно могло иметь название Уродай, Юродай, Гуродай или Вородай [7, с. 140].

Если брать во внимание такой контекст, то лейтмотивом песен, номинированных вородайками, должен был бы быть мотив плодородия. Тем временем в них доминирует другая тематика. Для примера, на Подляшье и Холмщине среди володарок бытуют песни «Славное место Бересто» и «У Дуная, около края», которые имеют выразительную брачную семантику – оба текста представляют не что иное, как обряд сватовства. На территории соседнего Западного Полесья среди вородайок встречаются тексты с дразнильными мотивам. Объяснением может служить разве факт выполнения как инициальной

веснянки-игры «Володар». На Подляшье, однако, она уже вышла из активного бытования, оставив только название, которое, очевидно, и объединило все другие тексты, исполняемые после нее.

На территории Подляшья, особенно южной его части, для обозначения весенних календарных песен используют и название «постовые песни». Проследить его этимологию нетрудно – такие тексты выполнялись в основном в период Большого поста и с мотивами весеннего веселья и развлечений имеют мало общего. Принимая во внимание еще и тот факт, что бытование этой номинации эпизодически засвидетельствовано на территории всех соседних регионов (исполняют постовые песни на Холмщине, Волыни, Ополье и Западном Полесье), можно определить примерный их возраст. На архаичность этот пласт фольклора совершенно не претендует – сама номинация могла возникнуть не позже, как утвердилось на этнографически украинском просторе христианское вероисповедание. К тому же о грустных песнях во время поста, который приходился на период буйной весенней поры, никто не слышал. Другое дело, что на сегодня в репертуаре постовых песен бытуют тексты различной тематической направленности. Последние могли попасть туда в результате контаминации языческих и христианских обрядов, которые, хоть и совпадали во времени, однако существенно отличались семантикой.

Подобно предыдущему, малораспространенным на Подляшье есть и название «пасхальная песня», которая, по наблюдениям исследователей, встречается на его южных территориях [5, с. 52]. Среди соседних регионов, обозначенных существованием этой номинации, однозначно можем отметить только территорию Волыни, где пасхальные песни, несмотря на небольшую частотность исполнения, все же можно услышать.

Функционируют на Подляшье среди номинаций весенних календарных песен и такие названия, как «садоньки», «зозулины песни», «жалिमоны» и «кроп». Общерегионального распространения они, однако, не получили – бытуют такие названия спорадически – в одном-двух населенных пунктах. Так, «садоньки» выполняли на Северном Подляшье, когда начинали цвести сады [20, с. 260]. На территории южной части региона в с. Докудово весенние песни номинировали «жалинонами», а в с. Красивци – «укропом» [5, с. 93]. О небольшом

территориальном распространении этих названий свидетельствует и факт определения тех же текстов в других населенных пунктах «веснянками» или «рогульками».

Бытование таких узколокальных названий не выступает определяющим для календарной традиции всего региона. Новообразования на местной почве, однако, красноречиво свидетельствуют об активном состоянии фольклорной традиции в современных условиях.

Отдельную группу весеннего календарно-обрядового репертуара составляет юрьевская песенность. На территории исследуемого региона она, однако, как и в большинстве регионов Украины, малораспространенная. Сами же обряды юрьевого дня не отличаются особыми характеристиками по сравнению с другими украинскими территориями. По наблюдению И. Чернявской-Гапонюк, на праздник Юрия украинское население подляшских сел целыми семьями выходило на поля, где ели взятую с собой еду. Специально для этого хозяйка пекла тесто, которое звали караваем, его брали с собой в поле [21, с. 33]. Назначением такого ритуального хлеба было предсказание урожайности. Жители подляшских сел рассказывают, что хозяин клал каравай на рожь и таким образом определял, каким будет урожай. Если каравай был ниже, чем рожь, можно было надеяться хорошего урожая, а если выше – наоборот. Потом обносил каравай кругом поля, далее его резали и потребляли. Верили, что все это было залогом здоровья хозяина и хорошего урожая [21, с. 33].

Похожий материал на уровне обрядодействий распространен почти в каждом из регионов Украины. Так, в западнополеских селах существовал подобный обычай угадывать будущий урожай: *«На Юрия хадзяїн обходив поля, поке сонце ни зийде. Шапку скидає і йде. Хлеб в ручнику несе. Приходив до поля, читав молитву, клав ручник з хлібом і одиходив назад. Як ведно було ручник – то поганий буде урожай, а як не – то добрий»* [19, с. 29].

Не чужды обряды такого типа и для других близкородственных с украинским этносов. По мнению Т. Агапкиной, «хождение в жито» и комплекс действий, поверий, примет и фольклорных текстов, касающихся обходов полей, в той или иной степени присутствуют в весенне-летнем календарном цикле многих славянских народов [1, с. 407].

Что касается песенности, то единичные тексты с упоминанием Юрия, хоть и встречаются, однако обозначаются как рогульки или веснянки, а не юрьевские. Для примера, песня «Святой Юрэ, Григорэ» по мотивам отпирания земли, бытует на Подляшье как рогулька.

Современная исследовательница Г. Василькевич по этому поводу замечает, что в фольклористике сложился стереотип, который диктует утверждение: юрьевская песня – это песня, приуроченная к празднику Юрия. Тем временем информаторы отмечают, что большинство «юриивок» была лишена узкой календарной принадлежности – их выполняли на протяжении всей весны [3, с. 88].

Итак, проанализировав бытование календарно-обрядовой песенности Подляшья в контексте сопоставление с фольклорными традициями соседних регионов, заметим, что исследуемый край – этнически украинский. Кроме исторических предпосылок, на это указывают этнокультурные факторы, среди которых – образно-тематическое единство календарно-обрядовой поэзии Подляшья с репертуаром других этнографических регионов Украины, прежде всего тех, что территориально к нему близки.

Л и т е р а т у р а

1. Агапкина Т. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл / Т. Агапкина. – М.: Индрик, 2002. – 816 с.
2. Білик О. А. Календарно-обрядова пісенність Західного Полісся: [Монографія] / О. А. Білик. – Луцьк: ПВД «Твердиня», 2008. – 334 с.
3. Василькевич Г. П. Юрійівська народнопоетична творчість: проблема семантики і жанрової специфіки: [Монографія] / Г. П. Василькевич. – Львів: Видавничий центр ЛНУ ім. І. Франка, 2007. – 224 с.
4. Винокур І. С. Археологія України: навч. посібник / І. С. Винокур, Д. Я. Телегін. – К.: Вища шк., 1994. – 318 с.
5. Головатюк В. Пісенна культура українців Підляшши: етнорегіональна специфіка, загальноукраїнський контекст: дис. ... канд. філол. наук: 10. 01. 07 / В. Головатюк. – К., 2002. – 164 с.
6. Головатюк В. Українська обрядова пісенність Підляшши в етнографічному контексті (зимовий цикл) / В. Головатюк // Народна творчість та етнографія. – 2000. – № 1. – С. 68–74.
7. Давидюк В. Ф. Вибрані лекції з українського фольклору (в авторському дискурсі) / В. Ф. Давидюк. – Луцьк: ВАТ «Волинська обласна друкарня», 2009. – 456 с.
8. Давидюк В. Ф. Кроковее колесо / В. Ф. Давидюк. – К.: Наук. думка, 2002. – 188 с.

9. Давидюк В. Ф. Традиції первісних пастухів у народній культурі Західного Полісся // Концепції і рецепції / В. Ф. Давидюк. – Луцьк: ПВД «Твердиня», 2007. – С. 45–54.
10. Кирчів Р. Ф. Из фольклорних регіонів України: [Нариси й статті] / Р. Ф. Кирчів. – Львів: Інститут народознавства НАН України, 2002. – 251 с.
11. Кирчів Р. Ф. Фольклор Холмщини і Підляшся / Р. Ф. Кирчів // Народознавчі зошити. – 1996. – № 5. – С. 279–283.
12. Климець Ю. Д. Купальська обрядовість на Україні / Ю. Д. Климець. – К.: Наук. думка, 1990. – 142 с.
13. Марчук З. В. Генеалогія українського весілля / З. В. Марчук. – Луцьк: Інститут культурної антропології, 2005. – 284 с.
14. Міндер Т. Й. Весняна календарно-обрядова поезія українців: регіональна специфіка та жанрова динаміка: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10. 01. 07 «Фольклористика» / Т. Й. Міндер. – Львів, 2005. – 18 с.
15. Міндер Т. Й. Ініціальні мотиви у веснянках / Т. Й. Міндер // Фольклористичні зошити. – 2002. – Вип. 5. – С. 15–31.
16. Міндер Т. Й. Історико-картографічний аспект побутування веснянок / Т. Й. Міндер // Фольклористичні зошити. – 2004. – Вип. 7: матеріали наук. конф. [«Фольклор і сучасна культура»] в рамках IV міжнар. фестивалю укр. фольклору «Берегиня». – С. 171–191.
17. Міндер Т. Й. Номінації веснянок на Західному Поліссі / Т. Й. Міндер // Фольклористичні зошити. – 2000. – Вип. 3. – С. 71–87.
18. Поліська дома. Вип. II: Весна / [зібрав, упорядк. і прокомент. В. Давидюк; нотация І. Федун]. – Рівне: Волинські обереги, 2003. – 176 с.
19. Поліська дома: Фольклорно-діалектологічний збірник / [упорядкув. В. Давидюка і Г. Аркушина]. – Вип. I. – 1991. – 188 с.
20. Рижик Є. Календарні обряди українців Холмщини і Підляшся / Є. Рижик // Холмщина і Підляшся. Історико-етнографічне дослідження. – К.: Родовід, 1997. – С. 251–270.
21. Cherniawska-Haponiuk J. «Swjatyj Jurij po polu chodyt, hlieb-żyto rodut...» / J. Cherniawska-Haponiuk // Над Бугом і Нарвою. – 2004. – № 3. – С. 33–34.

Nadiya Gorbach

SPRING CALENDAR CEREMONY FOLKLORE OF PYDLYASSHA AND NEIGHBOURING REGIONS: COMPARATIVE ASPECT

Summary

Pydlyassha songs of spring calendar ceremony is an organic part of west-Ukrainian folklore tradition, because of songs texts which kept an indissoluble connection with neighbouring ethnographical regions: Polysya, Volyn and Holmschyna.

Spring song which are existing on the territory of Pydlyassha stand out by such names as: “vesnyanka”, “rogulka”, “zelman”, “volodarka”, “sadonky”, “velykodnya pysnya”. Each of them can be find on the territory of Ukraine.

The nomination “vesnyanka” outlines texts with hail motives and motives of growth. On the territory of Pydlyassha is not forgotten such nomination as for example, “rogulka”. It is connected with such kind of cultivation with representatives of those archeological cultures who populate the territory of Pydlyassha. The most of them were herdsman, that’s why the coming of warm for them was not so actual as for agriculturists. The similar situation can be observed on the territory of West Polyssya.

But the name “rogulka” is rather popular on the territory of these two regions: Pydlyassha and Western Polyssya. On Pydlyassha territory it unites texts of spring songs with main theme of which is “marriage”. But on the Western Polyssya territory “rogulky” are called songs about family life and young women who were married not long ago.

On the Volyn and Holmschyna territories this name “rogulka” can be met not so often than on Pydlyassha and Western Polyssya territories.

The nomination “zelman” can be met but episodic so as on the Pydlyassha territory and on the neighbouring ethnographical regions. In the villages of Pydlyassha where such name is existing can be find the texts of songs where the main character is Zelman. Probably, because of the name of this character are the names of spring songs – “zelmany” or “zelmanivky”.

On the Pydlyassha territory for standing out spring songs are such name as “volodarka” which is not strange for other ethnographical regions – Holmschyna, Volyn, Opyllya and Western Polyssya.

The name “post songs” is widely spread on the Pydlyassha territory and other neighbouring ethnographical regions. It underlines the songs of later existing, sad motives of which are dealing with Great Post.

The comparative analysis of Pydlyassha spring folklore with neighbouring regions songs proves the Ukrainian identity. It is proud by similarity of main motives and kind names of spring calendar ceremony folklore as one of the most ancient parts of folklore creative work.